

В лазарете Токийского магического колледжа на операционном столе покоился человеческий мозг — упругий, словно желе. На его поверхности кривился беззубый рот. Зубы там когда-то действительно росли, но теперь от них не осталось и следа.

Иэири Сёко вырвала последний зуб и со звоном бросила его в металлический лоток, где уже скопилась приличная горсть костных осколков.

— Если просто смотреть на эти зубы, ни за что не поверишь, что они выросли прямо на мозгах, — Сёко стянула перепачканные спинномозговой жидкостью латексные перчатки и натянула свежую пару.

Сидевшие рядом Годжо Хара, Годжо Сатору и Гэто Сугуру заворожённо наблюдали за её работой. От этого зрелища у парней невольно заныли собственные челюсти.

Особенно несладко пришлось Сатору. Он слишком хорошо помнил, что такое зубная боль в детстве, и теперь инстинктивно прижал ладонь к щеке, словно этот призрак прошлого настиг его прямо сейчас.

— Сяо У, ты чего? — тут же обеспокоенно спросил Хара.

— Сатору, неужто зубки разболелись? — ехидно прищурился Сугуру. — Давай попросим Сёко, она мигом подлечит.

Услышав их, Сёко повернулась к парням с инструментом в руках:

— Кому-то нужно удалить лишнее?

— Ещё чего! Всё у меня в порядке, — Сатору поспешно отнял ладонь от щеки и напустил на себя максимально серьёзный вид. — И вообще, зачем мне Сёко? Я и сам владею обратной проклятой техникой.

Он резко повернулся к Гэто и расплылся в издевательской ухмылке:

— Кстати, если подумать... Сугуру, ведь среди нас четверых ты единственный, кто до сих пор её не освоил? Столько лет учишься, а всё никак. Ну ты и неудачник, ха-ха-ха!

Очередной тактический маневр по переводу стрелок удался на славу.

Гэто — единственный из четверых одноклассников, кто до сих пор не умел лечить себя

проклятой энергией — на мгновение лишился дара речи. Удар пришёлся по самому больному месту.

— Сатору, — вкрадчиво, с хищной улыбкой протянул Сугуру, — пойдём-ка выйдем, побеседуем тет-а-тет.

— С какой стати мне с тобой уединяться? — Сатору даже не шелохнулся. — У нас тут вообще-то дело государственной важности — этот мозгляк на столе! Сугуру, прекрати ребячиться. Будь взрослее и не отвлекайся от главного.

Он с нескрываемым удовольствием вернул приятелю его же собственные нравоучения.

Сугуру аж передернуло от дежавю. От злости его знаменитая чёлка, казалось, встала дыбом.

— Ладно вам, остыньте, — поспешил вмешаться Хара. — Хватит препираться, давайте займёмся делом.

Сугуру лишь мысленно вздохнул.

«Хара, если бы ты не влезал со своим примирением аккурат после того, как Сатору в пух и прах разнёс меня, я бы, может, и поверил в твою непредвзятость. Но ты же ему открыто потакаешь!»

Впрочем, спорить было некогда. В одном Хара был прав: этот мерзкий шевелящийся мозг на операционном столе требовал немедленного решения.

— Я попытался использовать эти останки, чтобы выследить другие его сущности, — заговорил Хара. — К сожалению, успел засечь лишь одного клона. Пришлось уничтожить его на месте, чтобы не сбежал. После этого след оборвался.

— А может, у Кэндзяку всего две ипостаси? — предположил Сугуру. — Сама основа и этот единственный двойник?

Хара покачал головой. Он сосредоточенно всматривался в серые извилины, силясь разглядеть невидимые для остальных нити правил. Вокруг этого отвратительного создания их вилось невероятно много — целый спутанный клубок, плотный и хаотичный. Обычным магам до такого далеко. Каждая нить означала когда-то заключённый связывающий обет. С какими силами и сколькими людьми этот монстр заключал сделки на протяжении веков — страшно даже представить.

— Думаю, их гораздо больше, — тихо произнёс Хара.

Разумеется, раскрывать свою способность видеть нити правил Хара не стал. Впрочем, Сугуру и Сёко не привыкли задавать лишних вопросов и сразу поверили ему на слово.

— Значит, поисковые техники бессильны? — спросила Сёко.

— Мы испробовали всё, — подтвердил Хара. — Именно так я и вышел на первого клона. Но все последующие попытки натывались на глухую стену.

Он задействовал лучших магов-ищек, лично прочесал всё с помощью редчайших поисковых проклятых орудий, но результат оставался неизменным: один уничтоженный двойник, а дальше — пустота.

Да и тот выслеженный клон оказался на удивление крошечным. Создавалось ощущение, будто Кэндзяку намеренно отделил от себя эту малую часть и подставил под удар, надеясь, что Хара успокоится после лёгкой победы и ослабит бдительность.

Однако интуиция настойчиво шептала Харе: здесь скрывается подвох. Этот древний паразит не мог так просто сдаться.

Сатору лениво подпёр подбородок ладонью, наблюдая, как Сёко принимается аккуратно нарезать серую массу на тонкие слайсы.

— Не можем найти сейчас — найдём позже, делов-то, — легкомысленно бросил он. — Подумаешь, разумный холодец. Теперь, когда мы начеку, пусть хоть из кожи вон лезет — ничего у него не выйдет. Крысы из подворотни сильны, только пока шныряют в темноте. А раз мы о нём знаем, сунется ли он на свет? Будь у этого ублюдка хоть малейший шанс одолеть нас в открытом бою, он бы не тратил века на свои дешёвые интриги.

Выслушав брата, Хара медленно выдохнул. Напряжение, сковывавшее плечи последние дни, наконец отпустило.

— Твоя правда, Сяо У, — согласился Хара. — Мы не дали ему победить, когда блуждали впотьмах, а теперь и подавно не уступим. К тому же, хотя Кэндзяку и способен на расширение территории, этот приём напрямую зависит от его физического носителя. Без сильного тела с огромным запасом проклятой энергии развернуть территорию попросту невозможно. А те оболочки, которые он обычно выбирает, редко отличаются выдающимся талантом.

Хара вкрадчиво напомнил о своей стычке с Кэндзяку, когда ему было тринадцать. Он подробно описал вражескую технику расширения территории — «Сплетение материнских лон».

Сугуру задумался. Дождавшись, пока Хара замолчит, он вдруг спросил:

— Слушайте, а к какому типу нам его отнести? Это проклятый объект или всё-таки проклятый

дух?

У Сатору загорелись глаза:

— О, отличный повод проверить! Ну-ка, Сугуру, примени свою штуку! — Он изобразил, как Гэто обычно скручивает побеждённого противника в сферу проклятого духа. — Если получится подчинить — значит, дух. Если нет — чистой воды объект.

Сугуру с энтузиазмом поднялся с места:

— Сёко, отойди на секунду, я попробую скатать сферу проклятого духа.

Иэири, которую прервали на самом интересном месте препарирования, одарила его ледяным взглядом:

— Пошёл вон! Сначала я закончу с образцами.

— Понял, ухожу, — послушно отступил Сугуру и уселся обратно на кушетку.

Лишь когда Сёко отделила достаточно серого вещества для лабораторных тестов и переложила кусочки в чашки Петри, она кивнула Сугуру, разрешая подойти.

Почувствовав приближение мага, желеобразная масса едва заметно дрогнула, но тут же замерла, продолжая симулировать глубокий анабиоз, словно обычный неодушевлённый артефакт.

Сугуру сосредоточился, активируя технику манипуляции проклятиями.

Однако ничего не произошло. Техника ушла в пустоту.

Впрочем, Гэто ничуть не расстроился — он и так догадывался, чем всё закончится. Это существо обладало плотной физической оболочкой, которую могли видеть даже обычные люди, не наделённые магическим зрением. По сути, оно оставалось вполне материальным человеческим органом, а значит, классифицировалось как проклятый объект.

Убедившись, что Сёко закончила осмотр, Хара поднял руку. На долю секунды вокруг стола сомкнулись невидимые границы его барьера — локальное расширение территории. Когда искажение пространства спало, мерзкий мозг бесследно исчез. На стальной поверхности остался лежать лишь лист бумаги с карикатурным, пугающе детальным рисунком пленённого существа.

Сёко покачала головой, оценив изящество приёма:

— Твоя территория идеально подходит для содержания заключённых. Никаких трат на тюремные камеры.

Действительно, запечатать опасного преступника в двухмерный рисунок, свернуть плотный свиток и затерять его среди сотен обычных картин — гениальный ход. Ни одна ищейка в мире не догадается, в каком именно холсте томится узник.

Сугуру невольно уколола лёгкая зависть. Сам он до сих пор не умел возводить собственный барьер.

В его арсенале имелись десятки подчинённых проклятий особого ранга, способных раскрывать свои территории, но перед мощью близнецов Годжо эти барьеры лопались как мыльные пузыри. Сугуру даже изобрёл метод наложения чужих барьеров друг на друга для усиления их прочности и овладел максимальной техникой манипуляции проклятиями. И всё же его врождённая способность, встречающаяся раз в тысячелетие, требовала колоссального внимания. Развивать её приходилось вслепую, на ощупь, а бесконечное разнообразие комбинаций требовало времени, которого у него катастрофически не хватало из-за бесконечной возни с реформированием магического общества.

И хотя с каждым новым поглощённым духом мощь Сугуру неуклонно росла, ни расширение территории, ни обратная проклятая техника ему пока не давались.

Опираясь на собственный опыт, близнецы утверждали: ключ к созданию полноценного барьера лежит через освоение обратной проклятой энергии. Сначала нужно научиться обращать вспять свою технику, полностью постичь её природу, и лишь тогда откроются врата к расширению территории.

Но реформы поглотили Сугуру без остатка, и на глубокие медитации над собственной душой времени не оставалось.

Впрочем, таков уж был его характер. В отличие от юности, когда его заботило лишь банальное превосходство в силе, теперь он превыше всего ставил своё Великое дело.

Замедление темпа личного роста ради блага единомышленников казалось ему вполне оправданной, даже благородной жертвой на алтаре перемен.

Да, оба его друга ушли далеко вперёд. Но они превосходили его с самой первой встречи в колледже. Смирившись с этим фактом за долгие годы совместной учёбы, Сугуру избавился от болезненного соперничества. Юношеский максимализм уступил место зрелости, а бывшее упрямство окончательно растворилось в бесконечных политических баталиях.

Время от времени они с Сатору по-прежнему устраивали спарринги, но дрались исключительно на кулаках, без применения проклятых приёмов. В чистом рукопашном бою Сугуру ничуть не уступал товарищу — его физическая подготовка была безупречной, так что эти дружеские потасовки неизменно заканчивались ничьей.

Поскольку Сатору не собирался драться с ним не на жизнь, а на смерть ради выяснения, кто сильнее, у Сугуру не возникало ощущения опасности, подстегивающего расти над собой.

Его нынешнего уровня вполне хватало для любых практических нужд. В мире магов сильнее его оставались лишь близнецы Годжо. Даже Цукумо Юки, ещё один маг особого ранга, вряд ли превосходила его в реальном противостоянии.

Хара убрал рисунок-темницу в складки одежды. Теперь, когда ушей у пленника не осталось, можно было обсудить действительно деликатные вещи:

— Я собираюсь спуститься в Звёздный дворец и лично побеседовать с Тэнгэном.

Сёко невозмутимо убрала чашки Петри в сейф:

— Кто бы сомневался. Глава великого клана Годжо никогда не навещает наш колледж просто так.

Хара вечно был завален делами. Если его заносило в Токийский колледж, то либо ради медицинских консультаций с ней, либо по важным вопросам к Яге Масамити. Единственным исключением из этого правила было его непреодолимое желание повидаться с младшим братом.

Как любил шутить сам Хара, у него «заканчивался заряд братской любви», и ему требовалось срочно восполнить запас сил рядом с Сатору.

Но в последнее время из-за поисков Кэндзяку даже Сатору забросил преподавательскую деятельность, переложив уроки на плечи многострадального директора Яги. Тот факт, что сегодня братья явились вместе, да ещё и привели с собой Сугуру, явно говорил о масштабных планах, выходящих далеко за рамки обычной вивисекции.

Сугуру осенило:

— Ну конечно! Как мы могли забыть про владыку Тэнгэна? Его барьеры охватывают всю страну, он обязан знать, где прячутся остальные сущности Кэндзяку!

Сатору лишь пренебрежительно зевнул. После истории с Аманаи Рико, которую едва не принесли в жертву ради слияния, он не питал к древнему затворнику ни малейшего уважения. И уж тем более не верил в его пресловутое всеведение.

— Если бы этот старик действительно видел всё насквозь, информаторы из «Окна» не лажали бы так часто при оценке проклятий.

Как преподаватель Сатору то и дело сталкивался с ситуациями, когда неопытных первокурсников отправляли на задания, где им приходилось вступать в смертельную схватку с тварями, чей ранг был занижен в отчётах.

А ведь когда-то точно из-за такой же халатности едва не погиб их младший товарищ, Хайбара Ю. Сатору давно точило глухое раздражение на безалаберность аналитиков.

Впрочем, срывать злость на рядовых сотрудниках он не собирался.

Большинство служащих «Окна» были обычными людьми, наделёнными лишь даром пассивного видения. Они не умели сражаться. Чтобы добыть хоть какие-то крупницы информации о силе засечённого монстра, им приходилось рисковать собственными головами.

Среди них была чудовищная смертность. Да, их ошибки стоили магам жизней, но винить этих незащитных людей, гибнувших пачками ради сбора данных, не поднималась рука. Не требовать же от них совершать ещё больше самоубийственных вылазок?

Разве они виноваты в своей слабости? Или виноваты в том, что не хотят бросать в мясорубку всё новые и новые жизни ради точности сухих цифр?

Сатору бесило другое: порой отчёты ищеек были абсолютно верны, но верхушка «гнилых мандаринов» намеренно искажала факты. Старейшины подсовывали неверные сведения неугодным магам, цинично избавляясь от бунтовщиков чужими лапами.

Во время истории с Сосудом звёздной силы Сатору и Сугуру с утра до вечера твердили, какая незаменимая фигура этот Тэнгэн и как важен его барьер. Мол, рухнет защита — и следить за рождающимися по всей Японии проклятиями станет невозможно.

Но вот грянул Сибуйский инцидент, за ним — Киотский. Из ниоткуда вылезли четыре разумных проклятия особого ранга. Добавьте к ним того штормового монстра, с которым Хара бился в океане. Пять разумных стихийных бедствий невероятной мощи!

И что же Тэнгэн? Ни единого предупреждения. Словно эти колоссы соткались из пустоты прямо под его носом, а великий затворник ничего не заметил.

Куда подевались хвалёные свойства барьера, обязанного улавливать любую сильную вспышку проклятой энергии?

Братья давно подозревали худшее: Тэнгэн предал их и заключил сделку с Кэндзяку, намеренно скрывая от магического сообщества появление духов стихийных бедствий.

— Сатору, потише, — предостерегающе шепнул Сугуру. — Мы в колледже. Прямо под нами — Звёздный дворец. Проявляй хоть немного уважения к Тэнгэну.

Сам он тоже не испытывал к прародителю трепета. Существо, продлевающее себе жизнь за счёт поглощения юных девушек, мало чем отличалось от кровожадного языческого божка.

К тому же Хара с Сатору уже поделились с ним своими догадками. Но Сугуру, будучи прирождённым политиком, умел держать лицо. Весь колледж опутывали нити чужого барьера, так что, независимо от истинных мыслей, следовало соблюдать декорум.

Сатору же плевал на условности с самого детства. Его презрение к авторитетам было общеизвестным фактом, и окружающие давно махнули на это рукой.

Хара, напротив, обладал железной выдержкой. По его безупречно спокойному лицу невозможно было прочесть ни единой мысли.

Карман его пиджака завибрировал. Достав мобильный, Хара нажал на кнопку приема:

— Директор Яга, есть новости?

Из динамика донёсся тяжёлый вздох Яги Масамити:

— Хара, Тэнгэн отказался принять тебя.

Этого следовало ожидать. Впрочем, согласие древнего мага Хару не особо волновало — он планировал этот визит в любом случае.

Не дав директору начать утешительную речь, Хара ровным голосом перебил его:

— Понял. Предупреждаю сразу: сейчас внизу будет шумно. Пожалуйста, проследите, чтобы среди учеников и персонала не началась паника.

У Яги похолодело внутри:

— Хара, стой, ты что задумал?..

Договорить он не успел — Хара нажал отбой.

Сатору уже азартно разминал кулаки, а его глаза предвкушающе блестели:

— Ну что, штурмуем Звёздный дворец? Братец, командуй, откуда заходим!

Хара мягко улыбнулся:

— Сугуру, Сёко, вам лучше остаться здесь. Мы с Сяо У разберёмся сами.

И это было разумно. Сугуру официально возглавлял фракцию независимых магов, которая якобы находилась в глухой оппозиции к консервативному клану Годжо. Его прямое участие в разгроме святыни породило бы массу ненужных слухов и осложнило бы дальнейшую игру.

Сёко же, будучи незаменимым врачом, никогда не лезла на передовую. К тому же оба брата виртуозно владели исцелением и в её помощи на поле боя не нуждались.

Изначально Хара хотел провернуть всё в одиночку, но Сатору, словно любопытный кот, почуявший запах приключений, ни за что не упустил бы шанс устроить грандиозный переполох.

Устоять перед напором брата Хара не смог. Поколебавшись, он мысленно махнул рукой:

«Ладно, какая разница. Если уж глава клана пойдёт на такой шаг, Сатору всё равно объявят соучастником, хочет он того или нет. Так пусть развлечётся. В конце концов, когда братья заодно — им море по колено».

Так и вышло, что сейчас два сильнейших мага эпохи стояли плечом к плечу, готовые сровнять с землёй обитель Тэнгэна.

Они спустились к главному входу. Путь им преграждал древний барьер — лабиринт из тысяч одинаковых дверей, и лишь одна из них вела в истинные чертоги Звёздного дворца.

Конфигурация проходов постоянно менялась в реальном времени. Без указки самого Тэнгэна найти нужный путь было математически невозможно.

Но для Хары это препятствие было детской забавой. Годы, проведённые за изучением нитей правил, не прошли даром — в искусстве возведения барьеров он давно практически сравнялся с хозяином дворца.

Конечно, взламывать тысячелетнюю структуру шаг за шагом — занятие долгое и нудное. Тратить драгоценное время на методичное распутывание слоёв Хара не собирался.

Вместо этого он применил свой главный козырь. Сосредоточив взгляд на потоках энергии, струящихся сквозь пространство, он отыскал узловую точку, где сходились все нити правил. Это и был сам Тэнгэн.

Теперь сквозь хаос ложных проходов Хара чётко видел прямую линию, связывающую его с целью. Кратчайшее расстояние между двумя точками.

А значит, оставалось лишь убрать всё, что мешало пройти по этой прямой.

Хара указал рукой вперёд, в пустоту:

— Нам туда. Прямо по курсу.

Любой другой на месте Сатору растерялся бы: куда «туда»? Сквозь толщу камня и пространственные складки? Но близнецы понимали друг друга без слов.

Сатору лишь коротко кивнул. Глаза его за стеклами очков блеснули, мгновенно просчитывая координаты. Через секунду он отчеканил точные цифры — траекторию и плотность выброса энергии.

Этого требовала их совместная техника. «Фиолетовый» должен был пробить идеальный тоннель сквозь измерения.

Хара одобрительно улыбнулся.

Они синхронно вскинули руки.

— Прямое вращение проклятой техники: Синий! — выдохнул Хара.

— Обратное вращение проклятой техники: Красный! — подхватил Сатору.

— Максимальный выход проклятой техники: Фиолетовый!

Две безграничные силы слились воедино. Рождённая ими вспышка «Фиолетового» многократно превосходила по разрушительности всё, что они когда-либо создавали поодиночке.

Пространство перед ними с глухим воем свернулось и исчезло. Преграды, стены, измерения и защитные печати аннигилировали, превратившись в идеально ровный, оплавленный коридор, ведущий напрямик к сердцу Звёздного дворца.

Больше половины древнего подземного комплекса перестало существовать в одно мгновение.

Лишь благодаря их феноменальному контролю, удержавшему бушующий поток энергии внутри контуров барьера, разрушения не вышли на поверхность. Иначе от Токийского колледжа и

прилегающих районов не осталось бы даже фундамента.

Наверху, среди содрогающихся стен, директор Яга Масамити в ярости топал ногами, сотрясая воздух криком:

— Годжо Хара! Годжо Сатору! Ах вы паршивцы мелкие!

Колледж стоял аккуратно над эпицентром этой рукотворной катастрофы. После такого удара старые деревянные постройки жалобно скрипели и грозили вот-вот рухнуть в образовавшийся провал.

Теперь как минимум половину территории придётся отстраивать заново.

Единственное, что спасло обитателей школы от неминуемой гибели — своевременное предупреждение Сугуру. Благодаря ему Яга успел увести людей в безопасную зону. Иначе число жертв исчислялось бы десятками.

Проигнорировав доносящиеся сверху яростные вопли директора, братья шагнули в пролом и мгновенно переместились к Тэнгэну.

Покровитель магов восседал под сенью колоссального искривлённого дерева. Когда перед ним соткались две долговязые фигуры, во всех четырёх глазах Тэнгэна отразился неподдельный ужас.

Глядя на незваных гостей, древний дух тяжело вздохнул, силясь вернуть остатки величия:

— Господин Годжо... Я ведь всего лишь вежливо перенёс нашу аудиенцию. Зачем же устраивать погром?

Впрочем, спорить с обладателями «Шести глаз» после наглядной демонстрации их общей мощи он не решался. Голос его звучал на удивление кротко.

Тэнгэн прекрасно понимал: не прояви близнецы ювелирную точность, и от его техники бессмертия не осталось бы даже мокрого места.

Да, его врождённая техника даровала вечную жизнь, но физическое уничтожение стёрло бы его личность навсегда, превратив в безликую стихийную массу. И рисковать этим Тэнгэн не собирался.